

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Т17

Тамоников, Александр Александрович.

Т17 Следы со свастикой / Александр Тамоников. — Москва : Эксмо, 2020. — 320 с. — (СМЕРШ — спецназ Сталина).

ISBN 978-5-04-113171-5

Май 1945 года. Советские части с боями освобождают занятую немцами Прагу. Отчаянно сопротивляясь, гитлеровские главаря пытаются вырваться из окруженного города. Среди них — начальник пражского Управления РСХА штандартенфюрер СС Шломберг. За ним, как за ценным агентом, посвященным во многие секреты рейха, ведет охоту группа майора СМЕРШ Владислава Брагина. Шломбергу удастся сбежать из Праги на самолете. Теперь его нужно искать в горах на границе Богемии и Саксонии. Группа Брагина отправляется в погоню, не подозревая о смертельной опасности, за таившейся совсем рядом...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-113171-5

© Тамоников А.А., 2020
© Оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2020

ГЛАВА 1

Взрыв прогремел в тридцати метрах от «Виллиса», приписанного к отделу. Старший лейтенант Зацепин вывернул баранку, проделал что-то непонятное с рычагом. Американская машина взревела, съехала в кювет и заглохла. Пассажиры загалдели, схватились за автоматы, помещенные между коленей. Реакция у них сегодня была замедленная, тому имелись очень даже уважительные причины. Но не ждать же, пока накроет! Мина явно прилетела не случайно. Там же слева, чуть дальше, ухнули еще две, вывернули пласты дерна и молодой липовый саженец.

— К машине, рассыпаться! — выкрикнул темноволосый майор Владислав Брагин, пролетая через вырез в борту, заменяющий дверь.

Этот приказ был излишним. Офицеры и сами сообразили, что надо делать, высыпали из машины. Виталий Зацепин упал на спину за примятый бугор, передернул затвор. Брагин сперва пристроился рядом с ним на корточках, но тут же передумал и вытянул ноги. Старший лейтенант Филимонов и капитан Коломиец отбежали

чуть дальше, тоже прилегли. Марецкий остался в кювете, словно не осознал еще всю опасность, вытянул длинную, как у суслика, шею.

Взрывы гремели слева от дороги. В колонне, которую сопровождал «Виллис», царила суматоха. По правде сказать, такого никто не ожидал. Местность считалась проверенной, дорога на Прагу — открытой. В колонне было несколько гусеничных тягачей, буксировавших семидесятишестимиллиметровые орудия, десяток «газиков» с расчетами, полуторка с отделением автоматчиков. В авангарде шли саперы, проверяли дорогу.

Колонна пока не попала под обстрел, взрывы гремели в стороне, минометчики только пристреливались. Надрывались офицеры в адрес водителей: мол, пошевеливайтесь, выводите машины из-под огня!

Водитель головного тягача резко затормозил, машина встала поперек дороги, потеряв гусеницу. Застыла полуторка, красноармейцы выпрыгнули из кузова, рассыпались по водосточной канаве. Следующий взрыв повредил орудие, оторвал опорные тяги. Шквал осколков ударил по пустой машине, сломал борта, разнес остекление кабины. Сполз в канаву, держась за живот, раненый сержант.

Фуражка Брагина свалилась ему на нос. Он раздраженно стянул с околыша ремешок, закрепил под подбородком, машинально глянул через плечо. Все подчиненные рядом.

За лужайками со свежей травкой тянулись аккуратные ограды, симпатичные одноэтажные дома с черепичными крышами. Это был Здробич, один из северных пригородов Праги, малоэтажный район с обилием зеленых зон и пешеходных дорожек. На отшибе, метрах в семидесяти от дороги, стояло вытянутое кирпичное здание, наверное, какая-то мастерская. К нему спускалась металлическая лестница, по бокам тянулся косогор, вполне пригодный для укрытия.

Минометный обстрел прекратился. Лес ощетинился автоматным огнем. Красноармейцы с дороги вразнобой отвечали на него.

— Мужики, все видят мастерскую? Давайте туда, занять оборону в районе лестницы! — крикнул Брагин. — Марецкий, ты почему еще там? Пулей сюда!

Андрей Марецкий петлял как заяц, весь искрил от возбуждения. Приклад автомата волочился по земле, оставляя за собой борозду. Старший лейтенант упал неподалеку от Брагина, вжался в землю, закрыл затылок сцепленными в замок кистями. Еще бы зонтиком заслонился!

Снова заработала минометная батарея. На этот раз наводчики перестарались. Мины перелетели дорогу, разорвались у крайних зданий. Ударная волна хлестала по пяткам. Брагин с Филимоновым уже поднялись и опять залегли. Следующая серия мин могла накрыть мастерскую.

— Осторожно, товарищ майор! — Зацепин нервно усмехнулся. — Враг не дремлет, как говорится.

Но обстрел вновь прекратился. Из леса, зеленого на обратной стороне дороги, доносились крики. Гитлеровские офицеры подгоняли свое войско.

— Негостеприимно тут как-то, товарищ майор, — пробормотал Марецкий, прочищая ухо.

— Товарищ майор, это что за беспорядок? — заявил Филимонов, гнездясь в компактной лунке. — Наше управление относится к танковой армии. Почему мы не на танке?

Зацепин снова прыснул, поперхнулся, зашелся кашлем. Колючей оказалась смешинка.

В дыму в районе дороги перебежал капитан без головного убора, что-то прокричал залегшим автоматчикам.

Колонна встала, несколько единиц боевой техники и автотранспорта получили повреждения. На дороге валялись убитые. Их было немного, но какая незадача — умереть после Победы!

Вчера, 8 мая 1945 года в пригороде Берлина Карлхорсте маршал Жуков и генерал-фельдмаршал Кейтель подписали акт о безоговорочной капитуляции Германии! Берлинский гарнизон сложил оружие еще неделю назад. Немцы сдавались везде, на всем протяжении фронтов, подразделениями, частями и целыми соедине-

ниями. Но именно вчера был особенный день. Конец войны, полная капитуляция. Этого дня все советские люди ждали почти четыре года и всячески его приближали.

Офицерам отдела, находившимся тогда в безымянной чешской деревушке, выпало четыре часа сна. Прежде чем отключиться, Брагин разрешил своим сотрудникам принять на грудь. Ведь это же полное уродство — не выпить в такой день! Разве мы не русские люди? Видать, перебрали, последняя кружка оказалась лишней. Но все равно Победа, черт возьми!

Все это как-то не вязалось с тем, что творилось здесь и сейчас.

Утро 9 мая выдалось хмурым и мглистым. Эсэсовцы со спаренными молниями на касках выходили из тумана, шли вразвалку, вытягивались в цепь. Следом выбирались другие, тоже выстраивались в боевой порядок. Пехотинцы шагали в полный рост, не ведая страха. Несколько человек нестройно насвистывали боевой марш «Эрцгерцог Альбрехт», в ноты не попадали, но звучал он убедительно. С проселочной дороги съезжали бронетранспортеры с крестами, тоже вытягивались в линию. Пехоты было много, солдаты шли плечом к плечу, прямо как на репетиции парада!

Красноармейцы с дороги открыли огонь. Не выдержали нервы. Ругался капитан. Кто отдал команду стрелять?!

Немцы падали, особенно в первой шеренге, но меньше их не становилось. Живые смыкали строй, шли дальше.

— Что за чепуха, товарищ майор? — растерянно пробормотал Зацепин. — Может, они того... не слышали про капитуляцию?

— Черта с два они не слышали, — заявил Брагин и скривился. — Немцы народ пунктуальный, все приказы доводятся до личного состава своевременно. Это СС, дивизия «Валленштейн». Ее части и подразделения стояли восточнее Праги. Теперь они разобщены, не имеют связи с командованием и пытаются пробиться на запад, к союзникам. Те ведь добренькие, и наказание эсэсовцам светит мягкое. Мужики, хорош трындеть, отползаем к мастерской. Скоро наши сюда покатаются.

Офицеры энергично поползли, съехали по склону. Потом они карабкались обратно на косягор, протачивали прикладами амбразуры в мягком дерне. Местность у поселка ощутимо приподнялась, дорога предстала в лучшем виде.

Свист смолк, огонь уплотнялся. Немцы стреляли от бедра, дружно перешли на бег. Их было до чертовой матери! Задние уже не строились в шеренги, валили как попало, выкрикивая гадости в адрес Красной армии и Советского Союза. Ползли бронетранспортеры, частили пулеметы.

Потери среди красноармейцев росли, но они продолжали отстреливаться, держались. Подчиненные Брагина тоже открыли огонь, тщательно

целились, стреляли, комментируя сквозь зубы ситуацию. Автоматы разогrelись, обжигали ладони.

Забился в припадке ручной пулемет Дегтярева. Он работал почти в упор, выкашивал пехоту. Эсэсовцы, выжившие в первых шеренгах, залегли, стали швырять гранаты с удлинненными рукоятками. Пулеметная точка была подавлена. Снова поднялись пехотинцы с бледными лицами.

Головной бронетранспортер достиг дороги, перебрался через водоотводную канаву, стряхнул в кювет орудие, мешающее проезду. Из канавы вылетела противотанковая граната, рванула под колесами. Боевую машину окутал дым. Водитель яростно работал рычагами, но транспортер лишь вертелся на месте, давя собственную перекрученную гусеницу. Пулеметчик в бессильной злобе припал к МГ-42, не думал о последствиях. Бойца, швырнувшего гранату, пропороли пули. Но пулеметчик тоже долго не протянул, повис на броне.

На фланге заработал еще один «дегтярь», и пехота, поднявшаяся в атаку, сбавила темп. Солдаты падали через одного, но упорно шли. До дороги им оставалось метров тридцать.

— Товарищ майор, их не сдержать, — пробормотал Виталий Зацепин, дергая заклинивший затвор. — Этих тварей не меньше батальона, они прекрасно вооружены.

Однако боеприпасы немцы не транжирили, расходовали экономно. Они уже потеряли тран-

спортер. Экипаж пытался покинуть машину. Один солдат кувыркнулся с брони с простреленной головой, другой нырнул в траву и затаился: не всю еще выдержку растратил.

Капитан надрывал посаженную глотку, приказывал отходить к домам. Но не всей толпой, сдерживать фрицев!

Насчет толпы он явно приукрасил. Красноармейцев осталось несколько десятков. Они растянулись вдоль дороги, пятились, продолжая отстреливаться. Часть из них залегла, сдерживала натиск. Противник накапливался за брошенной техникой.

Советские бойцы перебежали по открытому пространству, прятались за клумбами и заборами. Панического бегства не было, но фактор внезапности сработал.

Брагин стрелял по мелькающим в дыму фигурам. Указательный палец правой руки свела судорога.

Эсэсовцы приготовились к броску.

Командир нашего подразделения отступал последним, словно капитан тонущего корабля. На что он надеялся, оказавшись на открытом месте? Капитан пробежал шагов двадцать, упал ничком и уже не встал.

Красноармейцы отхлынули, залегли.

Молодой парнишка опустил на колени и с остервенением рвал клык затвора.

— Ложись, дурак, убьют! — проорал Филимонов.

Парнишка удивленно покосился на него, но залег. Рой пуль тут же просвистел над головой этого солдата.

У Брагина кончился магазин. Он перевернулся на спину, вставил новый, последний, машинально глянул по сторонам. Все офицеры его группы находились рядом, никто не отступил.

Жестко бранился сквозь зубы капитан Егор Коломиец, физически развитый мужчина с жестким седоватым ежиком на голове. Поседел он рано, ему едва исполнилось тридцать пять.

Усилилась стрельба. Немцам нужно было прорваться без вариантов, кровь из носа! Ради достижения этой цели они не считались с потерями. Смерть для них теперь уже не имела никакого значения.

Эсэсовцы залегали в канаве. Когда их накопилось достаточно, они бросились вперед. На этот раз без всяких психологических штук, тупо на прорыв.

«А ведь они нас сомнут, — мелькнула подленькая мысль в голове Брагина. — Пусть только половина, но уйдет на запад!»

Майор гнал от себя эти дурные соображения, ловил в прицел серые мундиры и попадал практически с каждой очереди. Другие советские бойцы тоже валили немцев, но это не могло остановить их. Даже мертвые успевали проделать несколько шагов, прежде чем упасть! Катилась волна с орущими глотками. Чем ближе подбегали фашисты, тем громче орали.

Отчаяние наполняло голову майора. Не за себя, даже не за тех парней, которые примостились рядом с ним. За то задание, которое вряд ли будет по плечу им, уже убитым. Вот делать больше нечего, как уподобляться тем, кто ходит в атаки и отражает вражеский натиск! Каждый на этой войне должен выполнять свою задачу! Да и какая, к лешему, война?! Она ведь вчера закончилась!

— Врукопашную, товарищ майор? — У старшего лейтенанта Зацепина сорвался голос, он был белый как мел.

Ну да, только это и осталось. Стрельба не унималась, немцы падали через одного, но все еще лезли на прорыв.

— Сметут, товарищ майор! — прорычал Филимонов, опустошая магазин. — Вы тут самый старший по званию.

— Бойцы, приготовиться! — выкрикнул Брагин, не узнавая собственного голоса.

Это был вопль отчаяния. Все равно сметут.

У кого-то сдали нервы. Красноармейцы стали отползать, двое бросились за угол мастерской, но не добежали, повалились друг на друга.

Рослый эсэсовец с перекошенной мордой вырвался вперед, давил на спусковой крючок своего автомата. Он считал, что стреляет, хотя магазин давно опустел.

«Какая же ярость у этих людей! — подумал майор. — Даже раненые бегут, не замечая ничего. Только пуля в череп может их остановить. А лучше две для пущей надежности!»

— Вот сука! Прямо как в сорок первом, — процедил сквозь зубы Коломиец.

Но это был не сорок первый. Танковая колонна, следующая за артдивизионом, отстала на марше, но, когда впереди разгорелся бой, пошла на всех парах! Из-за перелеска танки Т-34 и открыли беглый огонь по восточному лесу, который покинули еще не все солдаты батальона СС.

Некоторые командиры машин мигом вникли в ситуацию и стали разряжать орудия в узкое пространство между дорогой и окраиной предместья. Участок местности шириной в сто метров покрылся частоколом разрывов. Фашистская ватага была остановлена. Осколки рвали фанатично настроенную публику. Многие и не сразу сообразили, что происходит. Офицеры покатались с косогора. Остальные тоже прекратили стрельбу, сплющились на еще не прогретой земле. Открытое пространство заволоч тяжелый дым.

Брагин выудил из подсумка единственную гранату, выдернул чеку и швырнул через голову. Береженого, как говорится...

Так же поступили Марецкий и пара других бойцов. Они видели, что происходило на поле боя. Танки шли вперед, съезжали с дороги, чтобы не таранить дымящуюся колонну, били прямой наводкой.

По лестнице скатился орущий эсэсовец. Добежал-таки! К нему метнулся красноармеец с ножом, но делать ничего не пришлось. Немец